476809р
1948 г.
БИБЛІОТЕКА
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. М. СИМОНИ
891.71.09
С54
Обл. Библиотека

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка. С.-Пб. 1886.

Договоры Новгорода съ Тверскими князьями, какъ извѣстно, изданы въ I-мъ томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ". Это изданіе, для своего времени очень хорошее, имѣетъ кое-какія погрѣшности и неточности, и г. Шахматовъ прекрасно сдѣлалъ, взявъ на себя трудъ напечатать договорныя грамоты вновь по подлинникамъ и присоединивъ къ нимъ обстоятельное разсужденіе о новгородскомъ говорѣ XIII—XIV вѣковъ, на сколько онъ проявляется въ этихъ грамотахъ.

Авторъ—кажется, первый въ нашей литературѣ—выдвинулъ впередъ вопросъ о традиціи языка и правописанія въ нашихъ свѣтскихъ памятникахъ, то-есть, въ разнаго рода грамотахъ и актахъ. Изслѣдователь, по его мнѣнію, долженъ относиться съ осторожностью къ этимъ памятникамъ: они унаслѣдовали разные традиціонные термины, традиціонныя формы и написанія, вслѣдствіе чего въ грамотахъ XIII—XIV вв. мы иногда имѣемъ дѣло съ особенностями оригиналовъ XI и XII вв. Новгородскія договорныя грамоты, говоритъ авторъ,—даютъ возможность легко прослѣдить традицію: онѣ (здѣсь мы видимъ уже сильное преувеличеніе)—„написаны такъ, какъ могли писать только въ XI вѣкѣ" (стр. 131—132). И г. Шахматовъ предпринялъ „работу весьма несложную и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительную"—взялся указать, гдѣ и какъ дѣйствовала въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ традиція.

Къ сожалѣнію, онъ забылъ, что для такого дѣла нужно имѣть какое-нибудь основаніе. Читающій настоящее изслѣдованіе видитъ у

3441.
476809

г. Шахматова смѣлую сортировку лингвистическихъ явленій, изъ которыхъ одни объявляются отжившими, традиціонными, другія—современными грамотамъ, взятыми изъ живаго языка ихъ времени. Но для него остается, если не всегда, то очень часто, загадкой, почему одно явленіе попадаетъ въ одну группу, а другое—въ другую, какъ будто все зависитъ отъ личнаго взгляда, каприза автора. И дѣйствительно, не видно, на какомъ, напримѣръ, основаніи онъ относитъ сочетаніе *ж*, *ш* съ *а* къ числу традиціонныхъ явленій, а сочетаніе *ж*, *ш* съ *я* къ числу явленій живого говора (стр. 138); не извѣстно, почему *е* въ род. мн. кончевъ, новгородцевъ признается у него графическимъ изображеніемъ звука *о*, а не традиціоннымъ написаніемъ (тамъ же), или почему окончаніе твор. и мѣстн. п. *мъ* въ нѣкоторыхъ грамотахъ причисляется къ числу особенностей говора, а не относится также на счетъ традиціи (стр. 180), и т. п. Естественно, отсутствіе основанія для распредѣленія традиціоннаго и не традиціоннаго не могло увеличить достоинствъ труда г. Шахматова.

Онъ изучилъ, и довольно основательно, новгородскія грамоты XIII и XIV вѣковъ и Новгородскую лѣтопись по Синодальному списку, хотя впрочемъ и тутъ есть пробѣлы [1]). Но ему остались почти неизвѣстны многочисленныя новгородскія рукописныя книги XIII — XIV вв., заключающія въ себѣ массу всякаго рода данныхъ. Онѣ-то, по нашему мнѣнію, и должны служить основаніемъ для оцѣнки данныхъ грамотъ. Пользуясь книгами, мы попробуемъ исправить нѣсколько положеній г. Шахматова.

Грамота 1304 — 1305 гг. имѣетъ написаніе дъ|митріевыхъ, при чемъ ъ находится въ концѣ строки. Авторъ объявляетъ несомнѣннымъ, что здѣсь ъ знакъ мягкости, и ссылается на Остромирово Евангеліе (стр. 143). Вполнѣ признавая авторитетъ этого памятника, мы однако затрудняемся основываться на немъ въ данномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что новгородскіе писцы, подобно своимъ собратьямъ въ юго-западной Руси и другихъ мѣстахъ, имѣли обычай, при переносѣ словъ, ставить на свободномъ мѣстѣ въ концѣ строки буквы ъ и ь. Въ новгородскомъ Евангеліи 1355 года мы находимъ значительное количество случаевъ въ родѣ съ|винии, пъ|ремудрость, лицемѣрьс|тво, взисъ|катъ, дъ|ругая. То же мы видимъ въ новгородскомъ Евангеліи Типографской библіотеки до 1362 года и въ новгородскомъ

[1]) Авторъ, напримѣръ (стр. 140), говоритъ, будто бы буква ѕ послѣ XII в. исчезла изъ русской письменности и явилась опять уже въ XV. Между тѣмъ въ Новгородской лѣтописи она встрѣчается довольно часто.

же Прологѣ 1356 г. Въ виду этого мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы буквѣ *ь* въ приведенномъ написаніи грамоты можно было придавать какое-либо звуковое значеніе.

Грамота 1373 г. имѣетъ, между прочимъ, слово ученился = учинился. Авторъ находитъ это *е* страннымъ и видитъ въ немъ простую описку (стр. 161). Между тѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одною особенностью стараго новгородскаго говора, не чуждою и современнымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ и не особенно рѣдкою въ новгородскихъ книгахъ XIV в.: въ Тріоди 1311 г.: каделницю 71 об.; въ Евангеліи 1355 г.: свѣтелника 72 об., язвены 80; въ Евангеліи до 1362 года (М. Тип. б. № 9): язвены 78 об., с(ы)н(ов)е неприязнены 142; въ Прологѣ 1356 года: служетелми 61 об. Нѣсколько другихъ примѣровъ приведено въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка", стр. 148. Для насъ несомнѣнно, что это *е* находится въ связи съ новгородскою замѣною *ѣ* черезъ *и*; сравн. наши „Изслѣдованія въ области русской грамматики", стр. 45, прим.

Новгородская лѣтопись и старшія договорныя грамоты не имѣютъ сочетаній гортанныхъ съ *и* вмѣсто *ы*, на основаніи чего авторъ объявляетъ, что ни въ XIII в., ни въ первой половинѣ XIV не было еще „перехода *ы* въ *и* послѣ гортанныхъ" (стр. 170). Оставляя въ сторонѣ южно-русскіе памятники, гдѣ *ки* вмѣсто *кы* является еще въ XII вѣкѣ, а также единичные случаи въ родѣ другиими въ новгородскомъ Кондакарѣ XII в. (Имп. Публичная Библіотека, Погод. № 43, л. 4), мы укажемъ на пять рукописей: на новгородскую Кормчую около 1282 года, на (вѣроятно, западно-русскую) Псалтырь 1296 г., на суздальскіе Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синодальная библіотека), на Стихирарь 1331 года (библіотека Троицко-Сергіевой Лавры № 22), писанный Епифаніемъ, вѣроятно, ученикомъ и біографомъ преп. Сергія, гдѣ-то въ Московской области, и наконецъ на новгородское Евангеліе 1355 года; во всѣхъ этихъ памятникахъ сочетанія *ки*, *ги*, *хи* встрѣчаются очень часто, въ Стихирарѣ почти постоянно. Сверхъ того, въ самой Новгородской лѣтописи, на которой основывается г. Шахматовъ, мы знаемъ случаи *ки* вмѣсто *кы*: заморьскии (имен. мн.) 145, мирошкинъ 148, г(осно)ж(ин)ькинъ д(е)нь 211. Эти данныя заставляютъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы *кы*, *гы*, *хы* часто употреблялись въ новгородскомъ говорѣ второй половины XIII вѣка (не говоримъ уже о XIV), и мы полагаемъ, что сочетанія гортанныхъ съ *ы* въ новгородскихъ договорахъ надо объяснять дѣйствіемъ традиціи.

Тѣ же источники не имѣютъ твердаго *т* въ окончаніи 3-го лица ед. и мн. чиселъ, и авторъ заявляетъ, что *т* въ этомъ окончаніи было „всегда мягко“ (стр. 181). Кажется, это можно сказать только о XIII вѣкѣ; по крайней мѣрѣ, въ половинѣ XIV в. твердое *т* не только уже существовало, но и было довольно распространено на сѣверѣ Россіи. Въ Евангеліи 1354 г. (Моск. Синод. библ.), писанномъ гдѣ-то въ Московской области, мы читаемъ: стоитъ 2, недостоитъ 13, 41 об., 49, напоитъ 50 об., погубитъ 50 об., устроитъ 52 об., спитъ 103 и друг. Въ новгородскомъ Евангеліи 1355 года число формъ на *тъ* менѣе значительно: просятъ 76 дважды, искусятъ 89, смѣритъся 98, уморятъ 103, отпустятъся 151. Въ Паремейникѣ XIV в. Троицко-Сергіевой Лавры № 4, писанномъ, вѣроятно, въ Московской области, формы на *тъ* находятся въ изобиліи.

Не желая распространяться о мелочахъ, позволяемъ себѣ заявить о своемъ несогласіи съ тѣмъ, что говоритъ авторъ о второмъ русскомъ полногласіи, объ измѣненіи *и* въ *е* въ *шея* и т. п. (данныя церковно-славянскихъ памятниковъ и такихъ русскихъ, какъ Евангеліе 1144 года, говорятъ весьма ясно, что въ случаяхъ въ родѣ шея звукъ *е* произошелъ непосредственно изъ *ъ*), о происхожденіи *је* въ перекмъ и т. п. изъ *јь* (здѣсь, конечно, дѣйствіе аналогіи; сравни сѣнѣмъ, снемъ, кмлю), о происхожденіи причастія ида и т. п. изъ иды (по нашему мнѣнію, русск. ида, чешск. jda—образованія, не находящіяся ни въ какой генетической связи съ иды). Формы: твор. п. скорое въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, 2-го лица повелит. накл. послушаѥ въ Паремейникѣ 1271 года (стр. 156), неопредѣл. накл. на *те* (стр. 158), 2-го лица настоящ. вр. на *ше* (стр. 159), вин. ед. женск. р. на *ою* (стр. 205), и случай стяженія двухъ *и* въ одно (стр. 164) — для насъ не что иное, какъ описки или не то, за что ихъ принимаетъ авторъ [1]). Съ формами род. множ. ртеѥ, кадие (стр. 156), которыя, если онѣ не описки, мы не находимъ возможности объяснять одинаково съ авторомъ, можно сопоставить старо-чешскую форму svýcĥ oЬyčeje въ одномъ изъ отрывковъ Александреиды (по изданію Гатталы и Патеры, стр. 66).

Авторъ посвящаетъ отдѣльный этюдъ звуку *ѣ*. Здѣсь онъ ставитъ во главу угла положеніе, уже не новое, что въ древнюю эпоху исторіи русскаго языка этотъ звукъ былъ отличенъ отъ звука *е* и

---

[1]) Напримѣръ, форма твори*те* въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго—форма 2-го лица мн. ч.

считаетъ вѣроятнымъ, что полное совпаденіе *ѣ* съ *е* въ великорусскихъ говорахъ относится къ „очень недавнему“ времени (стр. 210); такимъ образомъ, по его мнѣнію, въ періодъ написанія изданныхъ имъ грамотъ *ѣ* и *е* были еще разными звуками. Это заключеніе, если признавать, что *ѣ* и *е* въ XIII и XIV вв. были звуками очень близкими другъ къ другу, не вызываетъ спора, но мы не можемъ согласиться съ слѣдующими замѣчаніями г. Шахматова.

Смѣшеніе *ѣ* и *е* въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, по его словамъ, не что иное, какъ „графическая особенность, вызванная церковно-славянскимъ языкомъ“ (стр. 211). Церковно-славянскій *ѣ*, говоритъ онъ, повторяя профессора Фортунатова,—представлялъ сочетаніе *i*+*e* открытое, а древне-русскій языкъ имѣлъ *ѣ*, звучавшій какъ *i*+*e* закрытое; въ виду этого русскому человѣку XI—XII вв. церк.-слав. *ѣ* могъ казаться болѣе близкимъ къ русскому *е*, чѣмъ къ русскому *ѣ* (стр. 212). Отсюда употребленіе въ древнихъ нашихъ рукописяхъ *е* вмѣсто *ѣ* въ тѣхъ словахъ, которыя принадлежали церковному, книжному, а не разговорному русскому языку,—въ словахъ, въ родѣ предъ, вредъ, среда, время (стр. 214).

Изложенныя замѣчанія г. Шахматова представляютъ рядъ гипотезъ, съ которыми согласиться нельзя. Мы не имѣемъ никакого основанія видѣть, хотя бы въ одномъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, особенности такого древне-болгарскаго говора, который имѣлъ бы *ѣ* звучавшій какъ дифтонгъ *ie*, все равно—съ *е* закрытымъ, или съ открытымъ. Всѣ глаголическіе памятники, кирилловскій листокъ Ундольскаго и нѣкоторыя болѣе позднія болгарскія рукописи, въ родѣ Паремейника Григоровича, Македонскаго Апостола, Парижскаго Стихираря, имѣютъ *ѣ*=*ja* или *ia* [1]); Саввино Евангеліе, Супрасльская рукопись и большинство позднѣйшихъ болгарскихъ рукописей имѣетъ *ѣ* другаго значенія, который опредѣлить сколько-нибудь точно нѣтъ ни малѣйшей возможности, и въ которомъ поэтому нѣтъ основанія усматривать тотъ или другой дифтонгъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ никакого основанія опредѣлять русскій *ѣ* XI—XII вв. какъ дифтонгъ *ie*. Современные дифтонги—рефлексы древняго *ѣ* въ разныхъ малорусскихъ говорахъ—говорятъ въ пользу гипотезы г. Шахматова какъ разъ столько, сколько другіе дифтонги тѣхъ же говоровъ (*уо*, *уи*) говорятъ въ пользу произношенія древне-

[1]) Сравн. въ современныхъ южно-болгарскихъ говорахъ: гряшен, дяте, ряка, дява.

Куйбышевская
№
Обл. Библиотека

русскаго *о* въ видѣ дифтонга, то-есть, не говорятъ ничего. Далѣе г. Шахматовъ ошибается, полагая, что русскіе XI—XII вв. очень часто имѣли случаи знакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ изъ устъ говорившихъ этимъ языкомъ болгаръ, и что они обращали очень много вниманія на произношеніе болгарами звуковъ въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ словахъ. Автору, по видимому, не извѣстно, что Болгарія XI—XII вв., времени подчиненія ея грекамъ, была совсѣмъ не то, чѣмъ являлась въ блестящій вѣкъ царя Симеона, и что грамотные болгаре не могли тогда быть особенно многочисленны даже на своей родинѣ. Знакомство русскихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ (особенно въ отдаленномъ Новгородѣ) могло быть только книжнымъ, и русскіе, конечно, произносили церковно-славянскія буквы по своему, такъ что церк.-слав. прѣдъ, плѣнъ и т. п. они читали какъ русск. прѣдъ, плѣнъ. Послѣднее доказывается тѣмъ, что, напримѣръ, плѣнъ во всѣхъ древнихъ рукописяхъ пишется съ *ѧ* и даже въ настоящее время сохраняетъ эту букву. Очевидно, причина появленія, рядомъ съ прѣдъ, также предъ лежитъ не въ церковно-славянскомъ произношеніи *ѧ*, а въ существованіи русскихъ передъ и т. п., въ которыхъ русскіе писцы, послѣ *р*, слышали *е* (сравн. въ Юрьевскомъ Евангеліи около 1120 года: плокааху мрѣжя 90 об., тлощи 127). Кромѣ того, древнѣйшіе наши памятники, съ одной стороны, употребляютъ *е* вмѣсто *ѧ* не только въ случаяхъ въ родѣ предъ, но и во множествѣ другихъ: несть Остромирово Евангеліе, о господине, руце (двойств. ч.) Святославовъ Сборникъ 1073 года, съ другой—очень часто сохраняютъ церк.-слав. прѣдъ, прѣ- и т. п., съ *ѧ*.

Мы считаемъ, послѣ только что сказаннаго, излишнимъ доказывать полную неосновательность того, что̀ говорится авторомъ объ *е* въ дат. тебе, себе, въ формахъ телесе, телеса, въ словахъ гибель, обитель (стр. 214): мы также не находимъ нужнымъ останавливаться на крайне странномъ мнѣніи автора, будто бы древне-русскіе писцы, переписывая грамоты или книги, при машинальной перепискѣ могли графически замѣнять *ѧ* черезъ *е* (стр. 215): машинальная переписка можетъ вести только или къ точному воспроизведенію подлинника, или къ опискамъ, въ родѣ замѣны *а* черезъ *б*.

До сихъ поръ думали, что новгородское нарѣчіе стараго времени, подобно многимъ современнымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ, знало въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ замѣну *ѧ* черезъ *и*. Г. Шахматовъ съ этимъ несогласенъ. По его словамъ,

„въ очень большомъ количествѣ сѣверныхъ грамотъ и другихъ памятниковъ XIV — XV вѣковъ“ чередованія *ѣ* и *и* не замѣчается (стр. 224); поэтому употребленіе *и* вмѣсто *ѣ* въ памятникахъ древнѣйшихъ, съ XI вѣка, должно быть считаемо за „простое графическое явленіе“ (стр. 225). Хотя мы можемъ похвалиться знакомствомъ только съ немногими новгородскими памятниками, тѣмъ не менѣе находимъ возможность представить рядъ данныхъ, указывающихъ на замѣну въ новгородскомъ говорѣ стараго времени *ѣ* черезъ *и*. Мы ихъ извлекаемъ изъ двухъ памятниковъ, писанныхъ несомнѣнно въ самомъ Новгородѣ по благословенію архіепископа Новгородскаго Моисея состоявшими при немъ писцами.

Евангеліе 1355 года: ув*и*д*и*въ ѿ сотника 8 об., аще миръ васъ ненавидить, в*и*дите, яко же мене прѣже васъ възненавидѣ 10, что изидосте вид*и*тъ 33 об., 64, кол*и*нома 60, запр*и*чая 62, кол*и*блемы 64, челов*и*чьскыи 64 об., 123, 125,—ска 89, челов*и*чь 81, 127 об., челов*и*комъ 105, 120, имамъ ти н*и*что рещи 65, на мѣстѣ н*и*коѥмь 70, надѣяшеся знамениѥ н*и*како видѣти 109, им*и*ния 71, жел*и*зными 72, пропов*и*дь 72 об., вн*и*шнеѥ 73, оскуд*и*ѥмо 85, удобиѥ 90 об., 112 об., обид*и*лъ 95 об,. стар*и*ишинъ 102 об., п*и*нязь 120 об., сн*и*даѥте 121 об., лицем*и*ри 121 об., уб*и*жите 122 об., бол*и*хъ и не посѣтисте мене 124 об., ѿм*и*таяися 126, т*и*ло моѥ 126 об., съвѣд*и*тельствуете 134, св—ть 134, — ють 137 об., свѣд*и*тельства 137 об.,—лемъ 137 об.,—ля 137 об., 138, см*и*шенъ 141, см*и*шениѥ 143 об. прегр*и*шении 152 об., д*и*вици 170; при вечер*и* 3, при пояс*и* 51 об., к жен*и* 59 об., при ѥзер*и* 60, храмин*и* тои 63 об., по ланит*и* 103 об., при свѣт*и* 108, в род*и* 113, в закон*и* 122, о час*и* 122 об., по мноз*и* временѣ 124; на мѣст*и* 143 об., узр*и* (аор.) 69 об., исцѣл*и* (аор.) 74 об., прозр*и* 93, вид*и* 93 об., 126.

Евангеліе до 1362 года (Московская Типографская библіотека, № 9): свѣд*и*тельство 1 об., 2,—уѥть 1 об.,—те 4 об., и друг, (почти постоянно), вид*и*ти 2 об., 18 об., 54, 76, 91,—тъ 151 об.,—те 122 об.,—въше 32, 162, вид*и*хъ 127, 145, ненавид*и*ти 11, ув*и*дѣвъ ѿ сотника 8, аще бы в*и*д*и*лъ г(осподи)нъ храмины 82, не в*и*дѣ что гл(аголе)ши 102, опр*и*снокъ 84, 84 об., 96, 100 об., 116 об., 117, 118. об., сквозѣ с*и*яния 104 об., въс*и*явыи сѣмя 142, вн*и*шнеѥ 122 об., личем*и*ри 112 об., нача скорб*и*ти 119 об., пр*и*щаше 49 об., запр*и*ти 141, разд*и*лить 74 об., зам(а)т(е)р*и*вши 157 об.; в законѣ Моисѣов*и* 19 об., 151, въ оч*и* брата 28, въ оч*и* твоѥмь 28, въ д(у)сѣ нечист*и* 48, по псалм*и* 122, въ притвор*и* 140, къ д(ѣ)вѣ обручен*и*

мужеви 153, по всей вселен*и*и 46, при девят*и*и годинѣ 134, наречении м(а)т(е)ри ѥго 145 об.; о хлѣб*и*хъ 39 об., въ ч(е)л(о)в(ѣ)ч*и*хъ 159 об.; ицѣл*и* 33, 40, исцѣл*и* 143, призр*и* 136 об.

Подобныя данныя мы нашли, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ новгородскихъ памятникахъ XIV вѣка (назовемъ фотолитографированный Требникъ графа Шереметева, Тріодь 1311 года, Прологъ 1356 года, Евангеліе Московскаго Публичнаго Музея № 434, Евангеліе Имп. Публичной Библіотеки f. 17). Они показываютъ, что обычная характеристика стараго новгородскаго говора не лишена основанія.

То обстоятельство, что замѣна *ѣ* черезъ *и* въ томъ или другомъ количествѣ случаевъ извѣстна всѣмъ современнымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ, знающимъ мѣну *ц* и *ч*, слѣдовательно, потомкамъ стараго новгородскаго говора, въ связи съ данными новгородской октябрьской Минеи 1096 года: лицем*и*рьствовавъ 68 (по изданію И. В. Ягича), тьрьп*и*ниѥ 78, претьрьп*и*лъ ѥси 125, нев*и*дѣния 165,— ручается за глубокую древность *и* изъ *ѣ*.

Конечно, можно намъ возразить, что *и* въ приведенныхъ выпискахъ не было тожественно съ другимъ, древнимъ *и*. Весьма возможно, что эти два *и* нѣкогда различались между собою, но сомнительно, чтобы разница между ними была болѣе замѣтна, чѣмъ разница, напримѣръ, между современными *е* въ *ѣ*лъ и въ *ѣ*ли, то-есть, чтобъ она могла обращать на себя вниманіе простого смертнаго, незнакомаго съ тонкостями физіологіи звуковъ. Во всякомъ случаѣ современные сѣверно-великорусскіе говоры, имѣющіе, вопреки ссылкѣ на нихъ г. Шахматова на стр. 226 [1]), на мѣстѣ *ѣ* обыкновенное *и*, не даютъ права говорить, что *и* старыхъ новгородскихъ рукописей, начиная съ Минеи 1096 года, могло быть только „приблизительною передачей звука *ѣ*“ (стр. 226).

Авторъ считаетъ важнымъ памятникомъ для опредѣленія значенія стараго новгородскаго *ѣ* 3-ю часть Новгородской лѣтописи по Синодальному списку. По его мнѣнію, въ этой части мы замѣчаемъ „совершенно другой языкъ и другое правописаніе, чѣмъ въ обѣихъ первыхъ частяхъ; отличіе правописанія сказалось, между прочимъ, въ томъ, что, тогда какъ обѣ первыя части употребляютъ буквы *е* и

---

[1]) Гильфердингъ, на котораго ссылается авторъ, говоритъ объ особомъ произношеніи *ѣ* въ нѣкоторыхъ словахъ (въ слогахъ съ послѣдующимъ твердымъ согласнымъ: св*ѣ*тъ, б*ѣ*лый); его указаніе не относится къ случаямъ въ родѣ жел*и*зѣть, с*и*мена.

ъ очень смѣшанно,—третья часть не представляетъ ни одного случая, на основаніи котораго можно было бы предположить совпаденіе звуковъ *е* и *ъ*“ (стр. 221). Но то, что̀ указывается г. Шахматовымъ въ пользу третьей части лѣтописи, на нашъ взглядъ, до извѣстной степени лишаетъ ее значенія при разрѣшеніи какихъ бы то ни было вопросовъ о языкѣ. Писецъ этой части, очевидно, былъ большой грамотей, знавшій обычное правописаніе церковныхъ книгъ и потому лучше умѣвшій избѣгнуть смѣшенія *ъ* и *е*, мѣны *ц* и *ч* (она у него рѣдка) и вообще мѣстныхъ новгородскихъ особенностей, чѣмъ его два предшественника[1]). Трудъ послѣднихъ, богатый мѣстнымъ элементомъ, имѣетъ для насъ большое значеніе, тѣмъ болѣе, что находящіяся въ немъ данныя для вопроса о *ъ* въ XIV вѣкѣ вполнѣ согласны съ данными рукописныхъ книгъ новгородскихъ и псковскихъ XIII—XIV вв. [2]) и значительной части грамотъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о мѣстномъ названіи Палиць, Палѣць, встрѣчающемся въ новгородскихъ грамотахъ. Если позволительно считать это собственное имя тожественнымъ съ созвучнымъ ему нарицательнымъ, то его *и* можетъ найдти себѣ объясненіе въ *и* польскаго областного paliс (палецъ), род. paliса, твор. paliсem и т. д. (Rozprawy Краковской Академіи, VIII, стр. 75, 184; XI, стр. 149). Сравни ц.-слав. агнць, чловѣколюбць (Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 264), кораблць (Златоструй XII в., л. 68 об.), сербск. коньц.

А. Соболевскій.

476809